

Александр Погодин

СКАЗКА И ЕЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

*Впервые опубликовано в: Педагогический листок. 1911. Кн. 6.
С. 457–470.*

(Заметка педагога)

В каждой начальной хрестоматии вы найдете сказку, в каждой семье дети ждут, не дождутся, когда кто-нибудь из взрослых удосужится рассказать им сказку; а теперь малыши-гимназисты, перечитав всевозможные сборники детских сказок, бегают на угол к газетчику и покупают разную дрянь, которая дает новую пищу их воображению. Ведь в нашей городской жизни все так прозаично, плоско, серо. Нужно самому быть активным участником этого постоянного строительства общественной жизни, чтобы в этой городской суеде, такой однообразной, как приход и отход поезда, найти своего рода поэзию, поэзию труда, борьбы. Ребенку это чуждо, и жизнь наших детей не весела и часто не умна. И вот он хватается инстинктивно за сказку: пока десятки раз он готов слушать сказочку о девочке, не послушавшейся мамы и попавшей в медвежий домик; потом, когда подрастет он уже перечитал все сказки, а взрослые обыкновенно совсем не знают сказок, и тогда начинаются постоянные стремления в кинематограф, где разыгрываются такие высокие, чувствительные драмы, или к разным «Пинкертонам», постоянно рассказывающим истину и освобождающим, как рыцари Средневековья, заколдованных принцесс. Не будем подходить к этому явлению с морализаторской точки зрения. Важна его естественная неизбежность в современных условиях жизни. Так, именно в городах старого времени, 12–16 в., были излюбленным чтением городских классов, ремесленников и купцов романы о рыцарских приключениях, а у нас переписывались и перелагались былины. А теперь и взрослые не прочь прочесть фантастическую повесть о будущем мира. Я помню, с каким наслаждением в петербургских театрах публика слушала чудесную рассказчицу народных сказок, Ю. Э. Озаровскую.

Без чудесного, без фантастического нельзя нам прожить, и детей мы не должны лишать того художественного наслаждения, какое доставляет человеку «игра воображения», творчество. Но эволюция сказки, о которой я и хочу сказать в этой статье, дает нам и некоторые важные педагогические указания. Она учит нас тому, что по мере развития человеческой цивилизации тоньше по смыслу, художественнее становится и сказка народов, и что следует быть разборчивым в том сказочном материале, который мы даем детям. А еще она ставит перед умом пытливого ребенка интересную работу сравнения грубой, часто бессмысленной сказки дикарей с глубокой продуманной художественной сказкой наших европейских писателей. Материал, который мы представим в след за этим, может быть приспособлен учителем для нескольких экскурсов в область развития человеческой мысли и художественного воображения.

Прежде всего, приходится вступить в полемику с обычными теориями наших учебников словесности. В отделе народной словесности они затрагивают и сказку, и один за другим, по искони установившемуся шаблону, толкуют об ее первобытности, об отражении этой древности в сказках, о первобытных нравственных понятиях, именно почему-то в сказках нашедших свое выражение и т. под. Это старые басни, ненужные для развития ума и сердца ребенка и вредные, как всякое искажение научной истины. Напротив, сказка результат чрезвычайно сложной эволюции, в громадном большинстве случаев какой-то международный продукт и, если сказки являются изображением какого-нибудь быта, либо нравственных воззрений, то всего чаще не того народа, который теперь сохранил эту сказку, как «складку», как забаву. Древнеиндийская мудрость, не разлагавшая живого мира на людей и животных, но объединившая его в учении о странствовании живой души, верила в разум животных и влагала им в уста философские изречения. Длинными извилистыми путями эти рассказы о животных дошли до тех народов, у которых не было ни такой веры, ни, вообще, проникновенного взгляда на природу. И притчи превратились в сказки, и умным животным, разумно обсуждающим человеческие действия, не стало в них места. И когда среди этих народов, потерявших философский и религиозный смысл подобных легенд, натолкнулись впервые уже не для простой забавы, но для научного исследования на сказочные приключения животных и людей, в них увидели они блеск глубокой народной старины. Так, говорили, народы сохранили от древнейших времен память о постоянном совместном житье первобытного человека с животными, об их взаимных оби-

дах и борьбе. Тонкая наблюдательность была будто бы присуща первобытному уму, человеку понимал птичий язык, разумел нравы зверей... Все это легенды, которые безжалостно развеялись, как отсохшие, облетевшие листья, от веяния свежей науки. Нет, ленив, ненаблюдателен, ослеплен суевериями и предрассудками ум дикаря; он не способен к обобщениям, он повторяет из поколения в поколение такие чудовищные нелепости о жизни животных и всей природы, которые показывают, что он совсем не думает над ними, совсем не наблюдает. Возьмите и теперешние популярные книги о жизни животных, даже Брэма, Эспинаса, Роменса, и сравните их с трезвым знанием (напр., с недавно вышедшей книгой проф. В. А. Вагнера «Биологический основы психологии»), и вы увидите, что даже в 19 в., даже «ученые» не останавливались перед такими рассказами, которые пропадают, как туман перед солнцем, перед элементарным, но не предвзятым наблюдением. Сказки Аристотеля, Плиния, «Физиолога» (2 в. по Р. Х.) о зверях и камнях, история естественных наук, история химии, физики, — все это единогласно твердит о том, что не первобытный ум создал те сложные сказания о судьбах человека, о приключениях героев, которые встречаются в наших сказках.

Раз навсегда мы должны покончить с этой несчастной привычкой считать сказку каким-то зародышем народной словесности и зеркалом народной души. Обычные темы классных сочинений, в роде «Судьба женщины по русским сказкам» или «Взгляды народа на справедливость по сказкам» и т. п. представляют вредное методологическое заблуждение: по народным сказкам нельзя говорить о народных взглядах, потому что эти сказки могут оказаться повсюду. Это не уменьшает их научного интереса. Я сказал бы: наоборот, что может быть поучительнее, как проследить взаимодействие культурных народов, пути их влияния друг на друга, глубокую древность этих отношений. Такое изучение важно не только для развития ума. Оно расширяет «сердце», выводя человека из рамок его народа в семью мира. По мере возможности, учитель, знакомя детей со сказкой, хорошо сделает, если сблизит ее с другими знакомыми ему сказками. И чем не пользуется сказка для своего развития, какие только соки она не извлекает из той почвы, на которую западают ее семена. Из прекрасного, высоко поучительного Евангельского рассказа о пяти хлебах, которыми Христос накормил тысячи человек, разрастаются сначала легенды о «райском хлебе», которым святые подвижники кормили изнемогающих от голода людей, а потом и просто сказка о «неубывающем» хлебе.

И в конце концов в Черниговской губернии была записана сказка о «волчьем боге Лисуне». Этот Лисун, подобно св. Егорию духовных стихов, раздаёт пищу зверям. Он даёт хлебы волкам, а оставшуюся краюшку оставляет случайному свидетелю раздела бедному мужику, спрятавшемуся от страха на дереве. «И никак он не может съесть свою краюшку: как дойдет до половины, на завтра же она снова становится такой, как была». А ведь как соблазнительно потолковать по этому поводу о первобытной близости между человеком и зверем, построить на основании этого Лисуна (т. е. лесуна, от слова лес) целую систему мифологии и т. под. А вот другой пример, из области языческих верований: как известно из греческой мифологии, бога Зевса вскормила коза Амальтея (или, как произносили греки, Амальтхея). Из греческой мифологии эта коза пошла себе странствовать по Балканскому полуострову, подобно многим другим мифологическим существам древней Греции. И вот она попала к древним иллирийцам, предкам теперешних албанцев, и превратилась у них... в фею, Амаутхи. От гомеровского рассказа о Полифеме, с которым сцепился Одиссей, пошло множество европейских сказок о громадном одноглазе, который свиреп и жесток, но при этом глуп и постоянно попадает в впросак во борьбе с хитрым человеком, а этот последний для пушнего интереса превращается из героического Одиссея в маленького мальчика. Это превращение совершилось по общим законам литературного творчества, и мне кажется, что учитель совершит полезную работу, если вместе с учениками прочтет гомеровскую сказку о Полифеме и Одиссее, сравнит с нею — ну, хотя бы сказку о великане и «Кот в сапогах» и объяснить, почему в конце долгого пути троянский герой превратился в маленького кота, а великан Полифем, живший в пещере и питавшийся козьим молоком, в средневекового рыцаря, которого народная фантазия наделила, как и многих других, чудесным даром волшебства. Я думаю, что такое сравнительное изучение сказок, возможное в элементарном виде и в низшей школе, внесет момент чисто научного оживления, самостоятельного научного исследования в школьную жизнь. Мой личный педагогический опыт показал мне, что всякая самостоятельная работа ума, приближающаяся к научному исследованию, даёт очень и очень много для развития учащихся; один час такой работы стоит десяти часов обычной учебы.

В истории изучения сказок мы видим указанный путь эволюции от «веры к знанию». Когда сказкой заинтересовались не в детской комнате, но в кабинете ученого патриота, этот интерес

вытекал именно из патриотизма: ведь, сказка была самым подлинным, самым неотъемлемым произведением его духа. В Германии господствовал, как и во всей Европе 18-го в., дух французского просвещения, который всем «подлым», простонародным брезговал. Между тем, Наполеон нес с своими победами и отрицание народного духа. В Германии пробудился протест против этого пренебрежения народностью. Трудно теперь представить себе, до каких размеров доходило в 18 и в начале 19 в. господство французского языка, французских мод и литературы во всех тех классах европейского общества, которые стремились к образованию. Какой-нибудь степной помещик у нас считал необходимым прежде всего обучить детей французскому языку. И так было повсюду: в Германии не меньше, чем в России. В Германии, среди студенчества и среди профессоров, наиболее близких к нему, подымается протест против чужеземщины во имя начала народности. Возникают студенческие общества, ученые с наслаждением открывают произведения средневековой поэзии и из уст народа записывают легенды, сказки и песни. И в этих сказках они находят откровения народной мудрости, исконной, национальной, чуждой всякой инородной примеси, — мудрости, принесенной предками народа из своей далекой азиатской родины, за многие тысячелетия до Р. Х. Сказки — остатки старой языческой религии. Богу солнца или богу грома поклонялись древние германцы. Оставалось найти следы этих культов в сказках и легендах. И, конечно, их нашли, сколько угодно, потому что в белом коне героя, в желтых волосах принцессы или в длинном мече богатыря легко было найти символы солнечных лучей или ярких молний. Доказать это было невозможно, но ведь это и был период не знания, а веры в изучении народной сказки. Он уже закончился. Лишь изредка, точно всплески волны от давно прошедшего парохода, всплеснет какая-нибудь милая наивная работа, дышащая старомодным стремлением найти в Иванушке-дурачке старого языческого бога, да учебники, которые, по обыкновению, порядочно отстают от науки, повторяют свою старую песню о «мифологическом» элементе в сказке.

Вере на смену пришло знание. Как можно было говорить об исключительной национальной принадлежности сказки, когда подобные сказки были найдены во всем мире. Трудно было верить и в первоначальное божественное происхождение Золушки или в глубокий внутренний смысл сказки о том, как мужик с медведем сеяли репку, раз оказалось, что во всей Европе, в Азии, в Африке, а отчасти и в Америке рассказывают такие же самые сказки. Оставалось

думать, что это следы древней общемировой религии, или же признать сказки, как и всякие другие явления культуры, постоянными странниками: как обычаи, как индийские раковины, попавшие во Францию, и сказки расходились по всему миру. Каковы были пути их распространения, какие причины превращения одних подробностей в другие, какие центры *литературного* создания сказок и т. п.: вот вопросы знания, чисто научные вопросы, которые придали такой громадный интерес изучению народной словесности. На Западе Бепфей, Либрехт, г. Парис, Поливка, у нас покойный академик Веселовский, Колмачевский и мн. друг. явились представителями этой новой «миграционной» теории сказок. Разумеется, оставалось изучать только изменение сказок, чтобы открыть среду, в которой изменялись сказочные основы. Таких основ оказалось немного: какие-нибудь 200 основных сказок варьируются во всевозможных сочетаниях и со всякими прибавлениями лежат в копилке общечеловеческого сказочного творчества, а пополняется эта копилка вовсе не «народной словесностью» (выражаясь языком учебников), но произведениями книжного литературного творчества. Так теперь уже попала в нашу народную среду «сказка о принце и нищем» («Принц и нищий» Марка Твена), со всеми подробностями рассказывается любителями «Князь Серебряный» Алексея Толстого, вернулась в народ и пошла себе гулять сказка о рыбаке и рыбке нашего бессмертного поэта, к памятнику которого, действительно, не зарастет народная тропа.

Я уже упомянул о том, что весьма полезным развивательным приемом при изучении сказки считаю исторический метод, конечно, в тех скромных пределах, в каких возможен в низшей школе или в младших классах средне-учебного заведения. Вообще, воспитывать в детях такую эволюционную точку зрения на события мне представляется в высшей степени желательным. Наша школа, которая сообщает учащимся, по большей части, разрозненные, несистематические сведения, грешит полным пренебрежением в этом отношении, а между тем даже «любовь к отечеству и народная гордость», которые предписывается развивать в современной школе, и которые так выдвинуты в новом проекте средней школы, — и те развиваются наиболее глубоко и разумно именно на почве исторического изучения своего прошлого. Впрочем, не вдаваясь в общие рассуждения, остановлюсь на эволюционном методе в рассмотрении различных групп сказок. Это рассмотрение не следует вызывать из той среды, в которой, если не сложилась, то во всяком случае прижилась сказка. Иногда она изменяется так, что в своих стран-

ствованиях, приспособляясь к среде, приобретает иной характер, нежели имела на родине. Так, известная во Франции сказка об отце и сыне, которые не знали, что им сделать с ослом (то отец шел и вез сына, то оба они садились на осла, а прохожие всякий раз осуждали их), — эта сказка восходит в своих первоосновах к Индии, где гуманное происхождение к животным весьма древнего происхождения, и объясняется верой в переселение душ из животных в человека. Здесь прохожие могли действительно пожалеть об осле больше, чем о человеке, и нравоучение, вытекающее из сказки, далеко не шуточного характера, какой оно имеет в европейской басне. В Индии же существовала притча о брамине, который возмечтал о семейном счастье: он набрал, ходя по миру, как это делают все брамины, горшок муки, повесил его над своей кроватью и, лежа на постели, размышлял, как он продаст муку, наживет средства, разведя скот, и потом как он женится, как у него будет сын, и как этот мальчик по оплошности матери полезет в конюшню под ноги лошади. Рассердился брамин и ударом ноги хотел наказать невнимательную мать, но по неосторожности хватил по горшку. Рассыпалась мука, и разлетелись грезы брамина. Попав в Европу, эта сказка должна была испытать известные перемены: ведь монахи не женятся, ведь они не собирают подаяния натурой. Но сохранился смысл сказки, и он облекся в новые формы: девочка, несущая яйца на продажу, или охотник, пошедший на зайца, заменили индусского брамина. И сказки о животных подверглись тому же приспособлению к среде: лиса, выбрасывающая рыбку из воза мужика, заменилась зайцем, выкидывающим бананы из корзины крестьянина. Так в египетской сказке естественно услышать о крокодилах, в индийской о слонах; придя к нам, и крокодил, и слон осуждены на превращение. Удивимся ли мы, если вместо крокодила найдем змея или дракона? Если бы удалось составить хрестоматию из сказок в их различных видоизменениях, приспособленных к среде, сколько было бы в ней развивающего материала для воспитания любознательности и способности наблюдать.

Особую группу составляют сказки о происхождении вещей животных и их свойств. Это собственно не сказки, а поверья, которые пользуются непоколебимым авторитетом в народной среде. Прямо поразительно, как могут люди сравнительно интеллигентные слепо верить в эти побасенки. Между тем это так. Я помню, как был поражен, когда служившая у нас женщина, на вид очень интеллигентная, посещавшая театры, проникнутая национальным сознанием (полька), вообще, умно и тонко рассуждавшая, рассказывала

мне с полным убеждением в правоте своего рассказа, с отсутствием всякой критики, что медведь произошел из жестокого барина, свинья с поросятами из еврейки, спрятавшейся под корыто для испытания всеведения Христа, а ястреб из кукушки (после 24 июня). Я думал, что она шутит, но она с таким убеждением утверждала, что это было именно так, что я ничего не мог поделать. И тут раскрылась передо мной впервые с такой очевидностью, о которой я и не подозревал раньше, до какой степени глубоко залегает в душе малокультурного человека суеверие. То, что им казалось раньше забавным рассказом, теперь приняло для меня свои действительные очертания непреложной истины. Когда мы встречаем поверье, мы готовы видеть в этом красивый символ, поэтическое отражение библейского рассказа о Вифлеемской пещере, о сломе, на которой родился Спаситель, и т. под. На самом же деле, это настоящее верование: вопреки очевидности, люди, рассказывающие это поверье, убеждены, что так и есть в действительности, что в ночь на Рождество Христово животные в своем хлеву по истине беседуют между собой. И таковые же космологические легенды, т. е. все эти рассказы о происхождении. Ведь их множество. Целые тома подобных легенд (*legends des origines*) собраны в устах французских крестьян и рыбаков, среди англичан, шотландцев, голландцев, культурнейшей части немецкого народа — баварцев, не говоря уже о том, что у менее культурных народов они растут, как грибы, до сих пор. Часть их восходит к литературным источникам, к сочинениям по естественной истории в Средние века, к толкованию разных мест из Библии, к Талмуду, к индусским книгам браминов и буддистов, к Корану и т. п., другая же часть представляет попытки, сделанные где-то и когда-то и потом опять отправившиеся в кругосветное путешествие сказки. Более того: обыкновенные сказки уснащаются подробностями, содержащими в себе ответ на этот вопрос *почему*, который перед умом человека встает постоянно с неизбежной силой, но у ребенка и в ленивом уме некультурного человека довольствуется первым попавшимся ответом. Еще в старой русской литературе были известны сказки-сатиры на неправый суд; судят ерша, ворону... И вот в одной, недавно записанной сказке, эта сатира вдруг превращается в космологическую легенду о том, почему кукушка живет в лесу, и как она судилась с вороной.

Однако, если сравнить космологические легенды Европы с подобными же сказками дикарей и немного более культурных народов, то разница между ними бросается в глаза. Здесь есть порядок рассказа, здесь видна его цель и отброшены случайные, ненужные

подробности. Нелепы, непоследовательны, беспомощны сказки дикарей. Проследить этот путь развития очень интересно. По нему мы пойдем от сказок каких-нибудь русских к чудесным, художественным сказочкам Киплинга или у нас Мамина-Сибиряка. Это один и тот же род, но сколько веков, сколько человеческих усилий и стремлений к знанию лежит между Киплингом, повествующим о вечной ссоре kota с собакой, и зунийцем Сев. Америки, объясняющим, почему у петуха красный гребень (эта сказка приведена в моей давнишней книжке «Боги и герои Эллады», 1903 г.). Один и тот же род произведений, но между культурной и дикой сказкой не меньше пропасть, нежели между нашей домашней благородной собакой и волком.

Почти так же распространена, как эта космологическая группа легенд, группа сказок о животных. Она повествует о том, как животные устроили свой быт, как они ладят между собой и с человеком, как они воюют с своим хозяином и повелителем, человеком. Как в «Синей Птице», Метерлинка, в этой прелестной сказочке, где так ярко встают перед нами и верный пес, и лукавый кот, неверный друг, и вечно зовущий вперед свет — огонь, так и в народной словесности видное, почетное место уделено образам животных. Вырабатываются типические образы: лиса хитра, ворона глупа, волк обжорливый и глупый нахал, а медведь наивный простака. И с этими обычными чертами выступает животный мир в народных сказках. Но спустимся к низам человеческой культуры, возьмем сказки о животных диких народов. Что за безличность окружает нас. Что-то глупое, бессвязное творят звери и птицы; беспорядочны их поступки и лишены типической окраски. В древнеиндийской (санскритской) литературе два огромные сборника сказок («Пять книг» — Панчатанера и «Добрые советы» — Хипопадеша) посвящены беседам и приключениям животных, и животные здесь мало типичны. Но это происходит не вследствие первобытности древнеиндийской культуры, но потому, что сказки получают здесь значение только притч, и звери философствуют, говорят стихотворными изречениями... Басня подхватила животную сказку и сделала ее художественной. Если животные сделались символами людей, нужно было найти черты сходства между ними и человеческими типами: отсюда развитие тонкой характеристики и обрисовки всего животного мира, попавшего в басню. И вот от сказки дикаря о совместной жизни зверя и человека, которая ему не представляется ни странной, ни необычной и не ставит в его глазах животных ниже людей, мы переходим путем многовекового развития к на-

шей новой сказке о зверях. Это сатира, басня или просто яркая фантазия. Сказка о коте в сапогах пример последней. В конце первого тысячелетия нашей эры вырабатывается в западной литературе целый цикл рассказов о ненависти между лисой и волком, о коварстве лисы, наклеветавшей на волка и погубившей его на львином суде. Это была сначала басня, имевшая личный характер. Такова латинская басня «Исход заключенного» (*Ecbasis captivi*). Уже в 12–13 в. Эта басня слагается (сначала в Голландии, потом в Германии) в цикл сказок, где центральной фигурой выступает хитрая лисица Рейнгарт (отсюда франц. *renard*). Образ лисицы и ее соперника волка получается уже художественную обрисовку. Двор льва — типичный средневековый двор, львиный суд — пародия на суды того времени. Сказка занимательна сама по себе, но еще занимательнее потому, что под именем зверей так легко разобрать и хищного рыцаря-барона, грабящего, как волк на больших дорогах, и другим больших и малых лиц из знакомого быта. Огромную популярность приобретает эта сказка и расходится в бесчисленных пересказах по всему миру. Рука художника прошла по ней, и когда Гете писал свою знаменитую поэму о Рейнеке-лисе, он черпал из обильного источника средневековой поэзии. Так, от сказки дикаря мы опять пришли к тонким, изящным произведениям поэтов.

Мифические сказки, конечно, очень обычны у языческих народов. Боги древних греков в эпоху их глубокой старины изображались в виде простых столбов или каменных глыб; грубые рельефные изображения богов каких-нибудь американских индейцев, или каменные бабы, оставленные какими-то кочевниками в степях Украины, или уродливые статуэтки Будды либо иных индийских богов, — и рядом с этим Зевс Фидия, Афродита Милосская, Аполлон Бельведерский. В Оттоманском музее в Константинополе беспорядочно поставлены тысячи маленьких домашних статуэток богов, которым когда-то поклонялись греки. Какая это красота! Как гуманны, прекрасные были божественные изображения этих язычников. Так велика разница и между мифическими сказаниями дикарей и легендами греков и римлян о своих богах. «Низшая мифология» сохранилась в наших деревнях до сих пор: все эти домовые, лешие, упыри и другая нечистая и неведомая сила все еще живут в быту наших крестьян, сидят до сих пор на кладбищах, в банях и заброшенных мельницах, в проклятых замках даже Западной Европы. Очень глубоко вкоренилась в сердце человека власть ночи, ужаса мрака и одиночества, и мистический страх перед неведомым создателем явления спиритизма и всякие виды гадания, которым предаются

даже в городах образованные и культурные люди. Но в сказочной литературе на почве этой мифологии создались явления, которые так же отличны друг от друга, как маски дикарских богов от Венер и Зевсов классического мира. Припомним похождения Гулливера I. Свифта. Гулливер среди лилипутов — ведь это гигант между карликами, которыми кишат мифы народов. Карлики злые, хитрые, выразители подземных сил, роющиеся в недрах земли, добывающие и хранящие золото и клады, и мудрые, маленькие лилипуты, смиренно и кротко повелевающие великану Гулливеру: так развивался этот образ. А сказки Андерсена, Гауфа, нашего модернизатора сказок С. Городецкого! Воссоздана старая мифологическая сказка, но благородны и изящны стали очертания ее.

В каждом сборнике народных сказок вам встретится группа сказок, рисующих нравственные воззрения масс. Здесь эволюция нравственного чувства в человечестве бросается в глаза очень ярко. Дикарь руководится в своем поведении ближайшими задачами, его нравственные принципы выработаны борьбой за существование, и даже божество, как нравственное начало, не существует для него. То, что прославляется в человеке, оказывается его преимуществами в вечной борьбе за жизнь: хитрость, жестокость, кровожадность — вот доблести мужчины. И в сказках герои обладают именно этими свойствами. Милосердие к врагу, призрение сироты... Кому это нужно в том быту, где восьмилетний мальчик уже отделяется от семьи и самостоятельно промышляет в лесу? Как остатки этих зверских отношений между людьми, в наших народных сказках, как и во всей Европе, широко распространен мотив ловкого мошенничества. Удачный вор, находчивый плут нравятся народным сказателям, но нравятся не как обычные житейские типы, а как протесты против стеснительных, угнетающих народ условий существования, как выразители находчивости, силы ума, сметки. Не плутовство в них нравятся слагателем народной сказки, а добродушие, наивная веселость плута... И рядом с ними какие прекрасные, нежные образы любви и добра созданы сказкой культурных народов: девушка-падчерица, сумевшая смягчить даже мороз-воеводу своей мягкой лаской, добрый и ласковый Иванушка-дурачок, девушка-сиротка, бросившая собачке хлеб, намазавшая салом ворота и спасающая с опасностью жизни братца от ведьмы. Таких образов много в народной поэзии тех народов, которые в долгие тяжкие века развития не загубили доброго чувства, лежащего в душе человека, но развили его, облагородили, расширили свою душу сочувствием ко всей природе. Так, сравнительное изучение сказок раскрывает

перед пытливым взором ученого тот путь медленного и трудного, но непрерывного восхождения ввысь, к вершинам добра и знания, по которому идет человечество. И в трудные, печальные годы, когда туманы залегают эти пути, вера в человечество идет перед нами, как светлый гений, указывает нам тропу и учит нас не складывать рук в борьбе, не предаваться беззлобному малодушию, работать и учиться.